

Не знаю, сколько прошло времени с того момента, как земля поглотила город. Несколько месяцев? Или дней? Давно перестала следить за его ходом. Тьма вступила во владение этим проклятым местом, даже если зажечь свечи, они выглядят в этой темноте, как звездочки в ночном небе... Доедаю последнюю крысу, последний живой организм, имеющий теплую кровь. Не знаю, что есть дальше. Остались лишь трупные насекомые... Похоже, придется привыкать, так же как привыкла к крысам. Или же... Но я не хочу исчезать! В моменты, когда проходит безумие и сознание проясняется, я наслаждаюсь тем, что просто сижу на черепичной крыше и пишу письма на обрывках бумаги старыми, почти высохшими, чернилами. Благо, обострившееся зрение пока это позволяет. Но скоро снова наступит безумие, опять замелькают стирающиеся и искажающиеся лица, почти забытые, они будут преследовать меня вечно. А сознание предложит единственный способ спасения... Исчезнуть.

- Госпожа! Госпожа! Вам опять приснился кошмар? Неважно выглядите.

- Д-да. Не беспокойся, Аннет, я в порядке, правда.

- Опять во сне то письмо читали? Ну-ну... Вся семья ждет, чтобы приступить к завтраку.

- Я скоро буду, ступай.

Как только гувернантка удалилась, закрыв за собой роскошную дверь не менее роскошной комнаты, девушка бодро спрыгнула с кровати, грациозно выгнув спинку и потянувшись. Она действительно чувствовала себя уже лучше, в огромное окно ярко светило солнце, а на улице в саду весело щебетали птицы. Настроение должно было бы быть прекрасным... Но она так никому и не призналась, что почерк в письме - ее собственный.

Девушка легкой походкой подошла к зеркалу, самодовольно заметив, что даже после сна, в растрепанном состоянии, она весьма и весьма привлекательна. Особенно в растрепанном состоянии...

Приведя в порядок длинные, до пояса, необычно черные волосы, из-за коих ее даже в шутку называли ведьмой или ведьмочкой, открыла дверь обширного гардероба. Накинув самое простое «домашнее» платье и надев мягкие туфельки, она снова поправила волосы. Сейчас ей не надо слишком хорошо выглядеть, поэтому она обошлась без помощи служанок и макияжа. Хорошо ей выглядеть надо будет немного позже... К тому же, ее наверняка заждались.

Девушка спустилась на первый этаж в столовую. Действительно, вся семья уже в сборе.

- Наконец-то, - кратко бросил отец, не отрывая взгляда от утренней газеты. Он помешан на традициях, а они предписывали начинать завтракать только тогда, когда соберутся все домашние. Правда, он не всегда считал нужным соблюдать правила этикета с ней.

- И вам доброе утро, - нежно пролепетала девушка и села рядом со старшим братом за длинный, рассчитанный не на один десяток человек, стол, покрытый белоснежной скатертью.

- Приятные сны снились, Эмби? - с улыбкой поинтересовался брат.

- Не помню, Кевин - буркнула девушка, ожидая подвоха.

- Странно, ну, я думаю, тот паренек должен вытеснить кошмары. Признайся, даже во сне бывает приятно, - произнес Кевин, но тихо, чтобы не услышали родители.

- Конечно, - со сладкой улыбкой ответила Эмби и замолкла, решив больше ни на что не обращать внимания.

После завтрака, девушка сразу же вернулась в свою комнату. Вот теперь надо прихорошиться и приодеться. Доверяла она в этом лишь Аннет, остальные служанки наверняка растрезвонили бы на весь дом, что старшая из дочерей собирается на свидание.

- Вы прекрасно выглядите, госпожа Эмбирель, - хвалила гувернантка, расчесывая длинные черные волосы. - В вашем возрасте смотрите такой женственной... Рендон будет счастлив видеть вас.

На приготовления ушло много времени, впрочем, нужны ли они? Не на бал же она собирается. Но так уж устроена девичья натура, хочется выглядеть совершенной в любое время, особенно для любимого человека.

Перед обедом еще полтора часа занятий с репетитором, но после - весь оставшийся день в ее распоряжении. Уроки по верховой езде отменили, поэтому можно потратить все время на себя. Благо отец не видел - проводил время со своими друзьями-аристократами.

Дом семьи Де Ларго находился почти в центре огромного города Шарлей, раскинувшегося на холмистой местности у подножья гор Судьбы. Владения Де Ларго занимали практически полностью один из холмов, а особняк, или даже дворец, окружал просторный сад, с декоративными растениями, статуями и фонтанами.

С помощью Аннет, Эмбирель незамеченной покинула дом, осторожно пробралась меж всех творческих изысков сада и выбралась через специальный скрытый лаз в мощном заборе во внешний мир, где ее уже ждал Рендон.

Это был, на взгляд девушки, весьма симпатичный молодой парень. Он старше ее на год и выше на пол головы, держался поистине с аристократичной гордостью. На правильном лице, обрамленном светлыми волосами, сияла греющая душу улыбка. Идеальный кандидат для любой романтической особы. Вот только... Рендон не принц. Он не аристократ. Простой горожанин. А значит, даже на короткое время для Эмби - запрещено связывать с ним свою судьбу. Что, впрочем, сейчас не сильно беспокоило, она всегда любила рассказы про запретную любовь и непокорство детей родителям, хотя и понимала, что долго это продолжаться не сможет...

Рендон взял ее за руку. И с этим касанием исчезли все тревоги, все мысли о запретах, о возможном гневе родителей, о том письме из сегодняшнего сна. Вот почему она не боялась

запретов, они ни что перед этими мгновениями.

Эмбирель улыбнулась своему кавалеру, узрев в его голубых глазах то же самое состояние, что испытывала и она. А затем они поспешили покинуть место встречи. Парень повел девушку за собой, и неважно, куда идти, в этом огромном городе для любого найдется место.

Пройдя по узким улочкам меж старых и на первый взгляд невзрачных двух-трех этажных домиков простолюдинов, многие из которых работали на семью Де Ларго, парочка вышла на кузнечную и ремесленную улицу. Повсюду раздавался звон, лязг железа, ржание тягловых лошадей и громкие, привыкшие к шуму, голоса рабочих. Здесь стоял смрад, пахло гарью, и казалось, что само солнце потускнело, поэтому они поспешили дальше. Еще одна улица, вверх на вершину небольшого холмика. Небольшая покрытая брусчаткой площадь с лавочками и вкраплениями зелени, а вон и укромное местечко меж двух домов и какой-то пристройки.

Эмби не стала дожидаться решительности Рендона и впиалась губами в губы парня. Это не первый их поцелуй, тогда он был нежным и трепетным, обоим не доставало решительности. Сия преграда преодолена. Но, как и все поцелуи до этого - все так же приятно, все так же начинало быстро биться сердце...

Ей казалось, этим можно наслаждаться вечно, но Рен решил - не стоит растрачивать весь запал в первые же мгновения.

- Смотри, там господин Ларрис. Пойдем, посмотрим, что он рисует, - с доброй улыбкой произнес парень, продолжая обнимать девушку за плечики. Она опустила взгляд и кивнула, краска смущения все же проявилась на ее лице и, похоже, теперь будет держаться еще долго.

Господин Ларрис - художник, молодым его уже назвать нельзя, но и выдающимся пока еще тоже, хотя талант, и многие это признавали, у него, несомненно, имелся.

- Вы уже который день здесь... Здравствуйте.

- Рендон, рад тебя видеть, - доброжелательно улыбнулся Ларрис, совершенно не собираясь отрываться от своей работы. - Художник находился на самом краю площади, Дальше стоял небольшой заборчик, и открывался превосходный вид на Шарлей. Собственно, город и являлся объектом творчества.

Каждая его деталь тщательно прорисовывалась на полотне. Эмби перевела взгляд на город и поразились точности и внимательности художника. Вот только показалось ей, что краски он выбрал слишком темные, сейчас светило яркое солнце, и это создавало контраст с картиной. Рендон тоже чуть нахмурился, но ничего не сказал, возможно, просто так задумано, или картина начинала создаваться в пасмурный день.

- А что это за очаровательная юная особа рядом с тобой? - Ларрис, наконец, оторвался от своего творчества, выглядел он весьма уставшим, но жизнерадостным. - Не уж-то леди Эмбирель? Большая честь для меня... Еще большая для Рендона. - Художник весело и понимающе подмигнул парню, и тот сразу же пожалел, что вообще привел Эмби именно сюда.

- Не будем больше беспокоить и отрывать от работы, господин Ларрис, - поспешно пробормотал Рен и потянул девушку за собой, в поисках другого местечка. Эмбирель не сопротивлялась.

Весь оставшийся день они провели вместе. Замечательный день. Они гуляли по тихому безмятежному парку и торговым шумными улицами, обнимались, целовались, смеялись... Эмби впервые попробовала медовые яблоки и орехи в сладкой глазури, почти такие же сладкие, как признание в любви любимого человека.

Домой девушка вернулась уставшая и с некоторой грустью от расставания, но весьма довольная. Чаще бы выдавались такие деньки... Ее встретила Аннет, и Эмбирель полностью доверилась гувернантке, кроме которой отсутствие пресветлой особы заметил только Кевин, но на старшего брата всегда можно положиться, не смотря на все его, порой, чрезмерное ехидство. Отец так и провел все время в работе, либо в дискуссиях с друзьями-партнерами. Мать, как обычно, уделила все свое внимание обществу благородных дам, смысл которого заключался в причитаниях, какая же развязанная и своевольная молодежь пошла, никакого приличия... В подражание, устраивали подобные собрания и две младшие сестренки со своими подружками.

И вот снова начинались унылые будни, разбавленные лишь шуточками Кевина. Порой, девушка совсем не могла понять, как ему удастся поддерживать все время столь бодрое состояние духа... Эмбирель ожидали томительное безделье, либо чтение скучных книжек, одобренных родителями (хотя, спасибо Аннет, найдется почитать и что-нибудь интересное), и, конечно же, нудные учителя и репетиторы. Ладно бы еще учили чему-нибудь стоящему, да хоть той же математике... Нет. Ее упорно обучают правилам этикета и как стать настоящей леди, достойной аристократической семьи.

Лишь верховая езда оставалась отдушиной. Рядом с лошадьми она чувствовала себя почти такой же настоящей, как рядом с Рендоном. А их большие мудрые глаза всегда смотрели с пониманием.

На этот раз во сне не оказалось ни тьмы, ни писем, ни той жуткой тоски, которая заставляла изнывать душу... Снился Рендон. И сон был очень и очень приятным. Эмби даже ясно представила, какое самодовольное ехидство появится в глазах братца, рискни она хоть намекнуть о том, что же происходило в этом сне.

Девушка сладко потянулась и открыла глаза, удивившись, что ни кто не пришел ее будить. Впрочем, это и к лучшему, можно дольше понаслаждаться остатками ночных иллюзий. Тем более что мягчайшая кровать и пасмурная погода за окном весьма к этому располагали.

Как потом она выяснила, отца вызвали на верховный совет аристократии – высший государственный орган, правительство Шарлея, поэтому традиционный семейный сбор на завтрак решили отменить.

- Так то дело ясное, - пожал плечами Кевин. Он размешивал сахар в своем чае, со звоном специально ударяя ложкой о стенки, что весьма раздражало Элис и Эстер. - Скоро прибудет посольство из Милэйна. Вот и беспокоятся. Не могут же они упасть своим аристократичным лицом в грязь перед гостями.

На всей этой аристократичной дотошности и держался Шарлей. Тут старались подчеркнуть статус при любой возможности.

- Ты скажи, сестренка, как прошло твое свидание? – братец с хитрым прищуром взглянул на Эмби, когда девочки, младшие сестры, наконец, не выдержали звона и, недовольно надув губки и ворча на Кевина, покинули трапезную.

- Лучше не бывает, - на лице девушки появилась приторно сладкая улыбочка. Эмбирель давно уже знала, что ее смущение брата лишь позабавит и раззадорит. Впрочем, сказала она правду.

- Так что? Мне уже можно ждать племянников? - спросил Кевин и с невинным видом сделал глоток уже остывшего чая.

- Я тебе первому скажу, когда можно будет их ждать, - посулила Эмби.

Небо так и не разразилось дождем. Лучи солнца застали девушку за чтением «правильной» литературы. А как бы она хотела, чтобы тяжелые капли дождя забарабанили по крыше застекленной террасы. Тогда бы у нее появилась отговорка, чтобы не вникать в смысл прочитанных строчек. Теперь же отговорок нет, ни что не тревожит нежного слуха леди, и придется отчитываться перед репетитором. А так хотелось сейчас пофантазировать о будущей встрече с Рендоном.

Отец вернулся только вечером.

- С этого дня вам запрещено покидать поместье, - с невозмутимым, но властным лицом аристократа заявил он собравшейся семье.

Он ни чего не объяснял, не убеждал, не разъяснял свое решение. Просто поставил перед фактом.

- Все ясно? Эмбирель? - отец взглянул на девушку, и у той сжалось сердце, прямо точь-в-точь, как любят описывать страх в художественной литературе. Неужели он узнал о ее побегах из дома?!

Они с Рендоном особо и не таились, но о том, что происходит в городе отец, как правило, узнает из газет или же на совете аристократов, если что-то особо важное... Если бы он действительно был зол на нее, то выказывал это по-другому.

Ни кто не задавал вопросов, приказы отца не обсуждаются, да и ответ все уже знают. Так надо.

Следующий день оказался таким же скучным, как предыдущий, даже не так... Он был скучнее предыдущего. Но вечером Аннет передала письмо от Рендона. Начался дождь.

Под дробь тяжёлых капель Эмбирель вчитывалась в неровные строки. Текст начинался наигранным пафосом восхищения её прекрасной особой, это уже сродни традиции, весёлая игра, в которой Рендон исхитрялся находить способ ни разу не повториться. Девушка улыбнулась, чувствуя, как теплеет на душе. Ему действительно не надоело находить всё новые

и новые словесные обороты. Это хоть как-то скрашивало тягучую и вязкую скуку ожидания.

Парень рассказал для неё, затворницы, что интересного происходит в городе. Судя по написанному, аристократическое правительство Шарлея серьёзно готовится к прибытию посольства Милэйна, «этих религиозных фанатиков», как обозвал их Рендон. Весь город стоит на ушах, чего уже давненько не бывало, обычная тягучая жизнь наполнилась беспокойством и суетливой подготовкой.

Эмбирель не успела прочитать последние строки, как в размеренную дробь небесных капель ворвался резкий звон, а затем грохот осыпающегося стекла рывком вернул сознание из тёплых фантазий в тёмный и сырой вечерний мир. И сразу по ушам резанул крик гувернантки, заставляя тело вздрагивать и покрываться мурашками.

Дрожь несколькими мгновёнными волнами прокатилась откуда-то изнутри до самых кончиков пальцев рук и ног, оставив после себя скверное ощущение испуга.

Девушка выпустила письмо, позволив тому опуститься на свою кровать, и выбежала из комнаты. Судя по всему, разбилась одна из витрин небольшой застеклённой террасы, с которой открывался прекрасный вид на ухоженный сад. Глава семейства любил проводить здесь досуг, за чашечкой чая созерцая произведения искусства своих садовников.

Она оказалась права. Выбежав на террасу Эмбирель, увидела осколки стекла, забрызганные, если присмотреться, каплями крови.

Темно. Несколько горевших свечей в настенных светильниках не могли полностью разогнать мрак, но все же девушка рассмотрела виновника переполоха - грязного и мокрого мужчину со странной перекошенной фигурой. В правой руке он держал внушительного размера тесак, левая же плетью свисала вниз, с неё в перемешку с дождевой водой не останавливаясь срывались капли крови, окропляя собой разбитое стекло.

- Где он?! - истерично прокричал мужчина. - Это он во всём виноват!

- Успокойтесь, мистер Аднот! Прошу! Вы пьяны! - испуганно увещевала Аннет, укрываясь за небольшим чайным столиком. - Прошу, бросьте нож!

Эмбирель с замиранием всмотрелась в мужчину, одетого в измазанную грязью типичную одежду рабочего. Это действительно мистер Аднот, один из садовников, работавших на семью Де Ларго. Он был человеком уже в возрасте, с потемневшим от постоянной работы под открытым солнцем морщинистым лицом и рядками поседевших прядей. Отец долгое время давал работу этому садовнику, не смотря на его пристрастие к алкоголю, но в конечном итоге после очередной пьянки, глава семейства недавно был вынужден его уволить.

- Это всё из-за него... Из-за него! - голос мистера Аднота срывался. То казалось, он вот-вот разревётся, то вырывалась неистовая ненависть.

Девушка не могла оторвать взгляд от его лица, искажённого буйством эмоций. Она ни когда не видела такого безумия в глазах. Они вселяли страх, лишая воли над собственным телом. Хотелось убежать, скрыться, забраться с головой под тёплое одеяло, лишь бы они не увидели её. Но она не могла пошевелиться.

И вот настал момент, когда эти страшные глаза неправдоподобно выпученные, с противными пожелтевшими белками взглянули на неё.

Что-то тёмное прошло рядом. Раздался грохот выстрела. И одновременно верхняя часть головы садовника разлетелась кровавыми красно-серыми ошмётками, забрызгав стекло уцелевшей витрины отвратительным месивом. Обезображенное тело упало с террасы на газон, под тяжёлые капли дождя.

<http://tl.rulate.ru/book/50602/1264350>